

16+

Николай Сунцов
Книга 3

Зигзаги времени

"Вставай страна огромная"

Николай Сунцов
Зигзаги времени. Книга 3

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сунцов Н. М.

Зигзаги времени. Книга 3 / Н. М. Сунцов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

В этой книге герой попадает в 1941 г., где борются с немецко-фашистскими оккупантами. При этом использует силы Сварога для перемещения и излечения раненых.

© Сунцов Н. М., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Предисловие

В предыдущих книгах рассказывается, как молодой врач из Тюмени, обнаруживает после смерти деда, письмо с картой бункера Берии. Он отправляется на его розыски, не зная, что по его следам идут бандиты, чтобы самим захватить этот бункер. Выбрав безлюдное место, они стреляют в него, и думая, что он мертв, забирают карту. Очнувшись, он сам начинает преследовать бандитов, уничтожая их одного за другим. Попав в бункер, он взрывает за собой проход, чтобы оставшиеся бандиты не смогли в него попасть. Здесь, он находит старинное кольцо Сварога, которое отправляет его во времена правления Ивана Грозного. Тут он борется с врагами земли русской и злым Чернобогом, извечным врагом Сварога. Путем использования современных технологий и оружия, ему удается с малыми потерями захватить Казань и Астрахань, присоединить к России Крым. Помогая царю, он строит школы и больницы, лечит и спасает людей, внедряет новое. Не забывая, что у него стоит цель найти браслет Сварога, которое даст дополнительные Силы его кольцу.

Зигзаги времени

Третья книга

Первая часть. «Вставай, страна огромная...»

Боль пронзила меня, и я застонал. Все тело было как чужое, во рту соленый вкус крови. Глаза было невозможно открыть, и я, с трудом подняв руку, ощупал лицо. Оно все было покрыто засохшей кровью. Осторожно расковырял веки, и открыл вначале один глаз, затем второй. Я лежал на дне какой-то канавы, прямо надо мной нависала искореженная машина, из которой наполовину свисал труп, из разбитой головы погибшего и капала на меня кровь. Я начал потихоньку выползать из этой канавы, оказавшейся придорожным кюветом.

Привстав, я увидел, что дорога была усеяна телами убитых и остовами сгоревших машин. Подобрал у молоденького солдата, что лежал рядом, фляжку с водой, я с наслаждением попил и умылся, смывая с лица кровь. В ушах стоял звон, и звуки проникали в сознание как сквозь толщу воды. «Однако здорово меня приложило», – подумал я, рассматривая себя в боковое зеркало автомобиля. Ощупав карман гимнастерки, я обнаружил свои документы: Федоров Андрей Иванович, лейтенант пулеметного взвода N-ной дивизии, расположенной в г. Ковель (туда было предписание). Из зеркала на меня смотрело уставшее, заросшее щетиной лицо, в порванной и залитой кровью гимнастерке с двумя «кубарями» в петлицах. «Да уж, теперь Вы, сударь, не князь», – подумал я.

Надо было вооружиться, так как с одним наганом воевать против немцев было бы глупо. Я подобрал трехлинейку и, опираясь на нее, как на трость, стал обходить разбитую колонну в поисках оружия и пропитания. Возле одной из полуторок я затормозил, кабина была изрешечена, но машина не загорелась, и груз в кузове остался цел, хоть и был попорчен пулями. С трудом забрался в «святая святых» нашего старшины, вскоре откопал новую форму, которая как влитая сидела на мне, осталось только пришить петлицы. К форме нашлась и кожаная португеза с ремнем, а главное, несколько ящичков с НЗ, куда входили тушенка и сухари. Оттащив все это в прилегающий лес, я продолжил обходить побоище. Немецкие летчики постарались на славу, от полка почти ничего не осталось. Впереди заметил дымящуюся «эмку» командира, поспешил туда. Подобрал документы убитых офицеров, достал упакованное в чехол знамя полка и, сняв его с древка, обмотал вокруг своей талии. Так я видел в кино, да и проще не потерять в бою. Забрал у полковника бинокль, ТТ и планшетку с картами. У одного из офицеров снял хромовые сапоги, они как раз подошли мне по размеру, все ж не кирза, да и если не я, так другие снимут. Забрал также часы и хороший складной нож. Решил посмотреть, что еще есть в багажнике «эмки», и тут меня ждал приятный сюрприз – новенькая снайперская винтовка Токарева СВТ-40, или, как ее называли снайперы, «Светка». Десятизарядная, под патрон

7,62, она сама просилась в руки. Оттянув затвор, я убедился, что она заряжена, и, подогнав ремень, закинул ее на плечо. Вскоре в подобранный мной вещмешок я сложил обоймы для моей «Светки», десяток гранат, три фляжки со спиртом и десятка полтора индивидуальных перевязочных пакетов (ИПП). Кроме этого нашел у убитого санинструктора его сумку, где был жгут, йод, скальпель, ножницы, термометр и шприц, ну и, конечно, запас бинтов и ваты. Все это я, как хомяк, поволок на мое место в лесу. Сходил вновь, и разжился офицерской шинелью и фуражкой, прихватив по дороге фляжку с водой и саперную лопатку.

Пора двигаться на восток, где я стал различать звуки канонады, по-видимому, контузия была не сильная, и я начал приходить в себя. Упаковал в мешок все, что было нужно в первую очередь, а это, конечно, боезапас, пища и лекарства. Остальное я закопал у поваленного дерева. Это в основном была тушенка, сухари и десяток винтовок «Мосина» с одним цинком патронов. Ориентиром взял разбитую вдребезги полуторку в кювете, в котором я очнулся. Вдали с запада послышался гул, и я увидел в бинокль колонну, впереди которой, поднимая густую пыль, шли угловатые немецкие танки. «Ну, что ж, попробуем и мы повоевать.»-прячась за толстый ствол дерева, пробормотал я, прикидывая расстояние до головы колонны. Метров восемьсот будет, подпустим поближе. В люке над башней виднелась голова танкиста, вот ее-то я и взял на прицел. Выстрел, голова дернулась и исчезла внутри танка. Тот остановился, и башня начала медленно вращаться из стороны в сторону, выискивая цель. Но я же не дурак пулять по танку, лежу, жду. Выстрел из танка разнес полуторку старшины, и она весело занялась огнем. Постояв еще немного, танки тронулись по дороге, подминая под себя тела погибших красноармейцев и сбрасывая в кювет разбитые машины. Колонна шла и шла, казалось, что конца ей не будет. За танками шли грузовики, то с солдатами, то груженные боеприпасами. Сменив патроны на зажигательные Б-32 (с красной головкой и черной полосой на шейке гильзы), я выстрелил в бак такого грузовика. Вспыхнул бензин, и взрыв потряс окрестности. Из-за гула машин и пыли немцы не заметили, откуда был выстрел, но шквал огня из всех видов оружия ударил по лесу. Пули визжали над головой, вгрызались в деревья, подымали фонтанчики земли передо мной. Выбрав момент, когда обстрел немного утих, я подорвал следующий грузовик, по-видимому, там были снаряды, так как на месте грузовика оказалась огромная воронка, да и пострадали еще несколько грузовиков. Немцы высыпались из остановившейся колонны и, выстроившись в цепь, начали прочесывать лес, поливая из автоматов пространство впереди себя.

«Пора и честь знать!» – решил я и, подхватив вещмешок, рванул подальше от этого «веселья». Сзади же раздавались выстрелы обиженных фрицев. Вскоре стрельба стала тише и тише, и тут я понял, что чувствую себя нормально, боль в голове исчезла, слух восстановился, так как я слышал щебет птиц, звон кружившихся комаров и далекую канонаду. Видно, все ж Сварог меня излечивает. Отойдя от дороги километров на пять, решил передохнуть, возле лесного ручья, что протекал в низине. Развел маленький костерчик, чтобы разогреть банку тушенки, пока она разогревалась, нарвал растущего в низине лабазника для чая, на поляне вверху насобираю душицы и зверобоя, все это в совокупности общеукрепляющий чай. Сюда бы, конечно, еще ягод шиповника, но за неимением гербовой пишут и на туалетной бумаге. Разогрев тушенку, поставил на костер котелок для чая. Неожиданно «Хранитель» дал сигнал тревоги, и я, вынув «ТТ» откатился от костра под куст тальника, который укрыл меня от посторонних взоров, от пуль, правда, не спасет, но все ж укрытие. Похрустывание веток под ногами дало мне направление и примерное количество крадущихся.

– Стой, стрелять буду! – решил я обозначить себя первым.

– Выходи сам, а то тоже пальнем! – раздался хриплый голос в ответ.

– А как насчет «Феньки» (Ф-1) в ответ? – поинтересовался я.

Они помолчали, так как осколки 600-граммовой ребристой гранаты разлетаются на 200 м и спрятаться от нее почти невозможно.

– Ладно, выходим, только не стреляй! – из кустов вышли четыре красноармейца.

Заросшие щетиной лица. У одного была забинтована голова, у другого – плечо. Сквозь грязные бинты, наспех забинтованные, просочилась кровь. Оружие было лишь у двоих: винтовка «Мосина» и пулемет «Дегтярева». Раненые брели, опираясь на палки. Увидев их, я опустил пистолет.

– Ха, смотрите братцы, лейтенантик из штаба! В лес побежал, от немцев отсиживаться! – начал ёрничать и издеваться тот, что был с винтовкой.

Я подошел к нему и, схватив винтовку за дуло, отведя ее от себя, нанес ему хорошую оплеуху. Выронив винтовку, он выхватил нож и, оскалив зубы, начал, пригнувшись, приближаться ко мне. Отбив блоком левой руки его удар, я нанес ему встречный в солнечное сплетение, и когда он рухнул на колени, добавил ему еще сцепленными в кулак руками по затылку.

– Поспи, дорогой, отдохни! – выдохнул я и посмотрел на остальных. – Ну, кто еще хочет отведать лейтенантских «юлей»?

– Не обижайся, товарищ лейтенант! От голода да неудач, вот он и сорвался. Так-то он хороший разведчик, да видно припекло, вот и полез на рожон. – заметил пулеметчик.

– Ладно, садитесь обедать, а потом я осматрю ваши раны. – предложил я им и выдал каждому по два сухаря и банку тушенки.

Они не стали разогревать тушенку и ели ее холодную, с жадностью и торопливо. Видно давно голодали. Опустевшие банки они очистили до блеска, вот в них я им и налил травяного чая, где они размачивали сухари и сосали их, млея от накотившей сытости. Поставив вновь опустевший котелок на костер, так как мне нужна была горячая вода, я привел в чувство разведчика, выдав ему тушенку и сухари. Взяв все это и пряча от меня глаза, он, буркнув что-то типа «Извини, командир, ошибся!», отошел к своим и принялся есть.

Я же осторожно размотал грязный бинт с головы бойца, резко оторвал его от раны. Он вскрикнул, пытаясь прикрыть раненое место рукой, но я отбил его грязную руку и стал тампоном очищать рану. Пуля или осколок прошли по касательной. Рана кровоточила сильно, но не опасно. Нарвав возле ручья листьев подорожника и лабазника, я поставил котелок с травой и цветами лабазника на слабый огонь, так как этим отваром хорошо промывать раны. Сам же стал в крышке котелка перетирать листья подорожника, после промывки ранения положу их на кровоточивую рану, чтобы быстрее все затянулось. Остудив отвар, я промыл им рану и, положив подорожник, перевязал стерильным бинтом.

Вот у второго ранение оказалось более серьезным. Пуля застряла в плече, и если ее не вынуть, он умрет от заражения крови.

– Жить хочешь? – спросил я его. Он кивнул. – Ну тогда придется потерпеть, дорогой! Пулю все-равно надо доставать, а до наших далеко, сам знаешь.

Говоря, я ощущал на себе просящий взгляд молодого еще парня, который хотел очень жить.

– Подготовьте вот здесь место. – я указал на ровную площадку, хорошо освещаемую солнцем, и бойцы принялись расстилать свои шинели.

Я же, достав скальпель, йод, спирт и бинты, приготовил из своей крышки от котелка кювет для кипячения и обеззараживания скальпеля. Обработав руки и скальпель спиртом, смазав будущее место разреза йодом, затем незаметно повернув браслет, представил, что больной мой под глубоким наркозом. Повернув его на бок, я сделал разрез, где прошупывалась пуля, вот показалась ее головка, немного нажал на нее, и она скатилась на залитую кровью шинель. Обработав рану, я туго забинтовал ее, положив подушечки салфеток на входное отверстие, и, положив руки на них, стал излечивать его. Тепло пошло из моих рук, затягивая рану, организм изгонял всю заразу, излечивая себя. Моя энергетика лишь подхлестнула его защитные функции, и теперь он лечил свое ранение. Чувствуя, что сил у меня остается немного, я отошел и прилег головой на свой вещмешок.

– Жить будет! – улыбнулся я, отвечая на немой вопрос бойцов.

– А чего это он глаза не открывает? – спросил меня пулеметчик.

– Спит. – коротко ответил я, незаметно поворачивая браслет и представляя, как раненый просыпается.

– Ну вы и орать, даже поспать не дадите! – открывая глаза, заворчал раненый. Пощупав плечо, он заулыбался.

– Братцы, почти не болит! – он недоверчиво ощупывал рану.

Силы потихоньку восстанавливались, и я распорядился заночевать здесь. Тут была вода, и в то же время недалеко дорога, которая обеспечит нас едой и оружием.

– Сколько вы идете и откуда? – спросил я их.

– Пять дней идем, из-под Томашовки. Танки немцев прорвались и отрезали нас, самолеты добивали из пулеметов, гоняясь даже за одиночками. Нам удалось добраться до леса, и мы все эти дни шли на восток, что с дивизией – не знаем. Это был ад. Вначале их артиллерия уничтожила наши батареи и танки, по-видимому они располагали сведениями и точными координатами, после прошлись «Юнкерсы», разбомбив то, что еще уцелело, а затем в атаку пошли танки, и встретить их уже было нечем. Они прорвали нашу оборону, и клещи сомкнулись. Штаб был уничтожен еще в самом начале, и поэтому дальше была просто бойня. Никто не знал, что делать...

– Биться за свою землю, убивать врага! – оборвал я рассказ пулеметчика.

– Чем биться-то, если не было даже гранат и патронов, а танки и артиллерия уничтожены? – вступился раненый в плечо. – Вот и пришлось драпать! – закончил он.

Конечно, мне было это знакомо, что в войсках шла перегруппировка перед войной, меняли оружие и многое другое, поэтому я не стал возражать бойцам.

– Документы хоть не потеряли, горе-вояки? – спросил я у них.

Первый мне подал красноармейскую книжку «Разведчик N-ского полка Смирнов Дмитрий Иванович», затем «пулеметчик Казанцев Леонид Петрович», у раненого в плечо документов не оказалось, карман был оторван и документы были утеряны, но его личность подтвердили товарища, которые служили вместе с ним, и последний был раненый в голову татарин, Ямбаев Анатолий Альбертович, по профессии сапер. О! Команда набирается интересная! Я тоже представился им и сказал, что нашу колонну разбомбили, но я сделал запас оружия и продовольствия. Если пройдем километров пять, у всех будут винтовки, патроны и продовольствие.

– А «мохра» там у вас есть? – спросил вежливо разведчик.

– У немчуры спросим! – ответил я и рассмеялся. – Отдыхаем до заката и идем к дороге. Цель – взять оружие и продовольствие, если удастся – пощекотать немцам пятки.

Часа через два выдал им еще по банке тушенки и по два сухаря, чтобы поднять их силы и настроение. Раненым заварил травяной чай для укрепления иммунной системы. Правда, пили его все, за неимением заварки. Ну да вреда не будет!

К вечеру вышли к дороге. Солнце садилось и машин было не много, в основном шли группами, но бывало проскакивали и одиночные машины в сопровождении одного или двух мотоциклистов. С трудом, но я нашел тайник с оружием и продуктами. Отправил разведчика за «сидорами», и что он еще сможет найти у разбитой колонны. Сам же вместе с пулеметчиком заняли оборону, прикрывая бойца. Смирнов скатился в придорожный кювет и, перекатившись, оказался возле одной из полоторок, где лежало особенно много убитых красноармейцев. Он быстро набивал вещмешки каким-то содержимым, перебираясь от одного убитого до другого. Ветерок гнал на нас сладковатый запах смерти, гудели зеленые мухи над трупами и стояла изнуряющая жара, несмотря на садящееся солнце. Вдали послышался стрекот мотоцикла, и я шепнул пулеметчику быть готовым. Вскоре показался одинокий мотоцикл с коляской. В каске и очках за пулеметом сидел толстый немец, за водителем сидел еще один с карабином. Выстрел из «Светки» вырвал мотоциклиста из-за руля, мотоцикл как-бы запнулся и перевернулся, накрывая пулемет и стрелка. Сидевший за водителем спрыгнул раньше и, упав в кювет,

яростно сдергивал винтовку с плеча. Это были опытные бойцы, которые прошли всю Европу, и стрельба их не пугает. Они готовы защищаться. Поймав его голову в прицел, я успокоил его навсегда. После чего, позвав пулеметчика, мы кинулись к мотоциклу. Перевернув его обратно, увидели, что пулеметчик был мертв, сломал шею. Сняли пулемет, забрали ленты, гранаты-толкушки, ранцы, даже не заглядывая в них, и личное оружие, т.е. винтовку и автомат с тремя рожками. Порекомендовал бойцам забрать добротные сапоги у немцев. После чего подожгли мотоцикл и ушли обратно к роднику. Я шел последний и заметал следы, так как ребята ходить по лесу совсем не умели.

Догнал их уже почти у ручья, где они пытались делить немецкое шмутьё. Все было свалено в кучу, где лежало и оружие, и продукты, и личные вещи, включая часы, бритвы и прочее.

– Отставить! Крохоборы! Не успели завалить пару немцев, а уже дележка началась! Быстро разложили отдельно на три кучи: оружие, продукты и остальное! Быстро! – рявкнул я и положил руку на кобуру «ТТ».

Приказ был молниеносно исполнен.

– Теперь лишнее оружие смазать, упаковать и закопать. Себе оставляйте то, чем будете воевать! Начнем с Дмитрия Смирнова, который принес много боеприпасов, что выбираешь, Дима?

– Я-бы взял «Шмайссер», все ж в разведке с ним удобнее, да и патроны у фрицев всегда достать можно.

– Согласовано, забирай! Ну, а остальным винтовки, кроме Казанцева, у него есть пулемет. Я же беру немецкий МГ-34, так как хорошо знаю эту модель. Патроны распределяем между всеми, продукты так же.

Теперь осталось распределить барахло, что было в ранцах. Из всего я выбрал бритвенные принадлежности, это опасную бритву фирмы «Зеленгер», помазок и зеркальце, остальное даже не стал смотреть. Бойцы растащили остальное, кому-то достался одеколон, другому нож, третьему губная гармошка и так далее. Приказал всем отдыхать до утра, утром идем на восток.

Утром поднялись еще до восхода, осмотрев раненых и позавтракав, тронулись на далекую канонаду. Впереди отправил разведчика, все ж опыт у него по больше, чем у других. Перед этим приказал набрать листьев лабазника, так как сок этого растения отпугивает комаров, если им натереться, да и в чай он тоже неплох.

Шли до обеда лесом, когда нас остановил голос часового «Стой, кто идет!». Оказалось, мы наткнулись на батарею из 45-миллиметровых пушек. Отряд состоял из четырех расчетов и ездовых, боеприпасов по 8 снарядов на орудие. Все так же отощавшие, но не бросившие орудия. Кроме своих к ним прибилась еще десятка окруженцев, многие без оружия. Лишь пограничники в зеленых фуражках держались вместе. Их я насчитал четыре человека, все с немецкими автоматами. Раненый был один, но тяжело, его в дороге размещали на передке орудия, соорудив носилки.

– Командир наш. – заметив мой взгляд, пояснил боец. – Он нас и вывел из-под удара, а сам в последний момент схватил пулю! – горестно вздохнул он.

– Врачу или санинструктору показывали? – спросил я.

– Да где его возьмешь? Сами как могли перевязали!

Я достал санитарную сумку, велел своим поделиться едой с бойцами. Но больше всего те обрадовались махорке, оказывается не курили уже два дня. Пробовали курить мох, прошлогодние листья, но это было не то. А тут нате вам, закуривайте! В ход пошли немецкие листовки, которые бойцы собирали для другого дела, но для этого и лопух сойдет. Я подошел к раненому, который лежал в тени под вековой сосной. На петлицах одна «шпала» – капитан. Грудь обмотана окровавленными бинтами дышит прерывисто, тяжело, в уголке рта – кровь. Повреждены легкие, если будет отек, то неминуемая смерть. Сосредоточил зрение, которое, как рентген, пронзило все тряпки, накрученные на капитана. Пули не было, прошла насквозь.

Зато на спине вырван кусок мяса, от этого большая кровопотеря. Надо попробовать стабилизировать его состояние. Я приложил руки к его груди и сосредоточился. Энергия потекла у меня через руки, регенерируя поврежденные ткани и убирая воспаления. Я чувствовал, как мои силы тают, и с трудом прервав сеанс, отошел и лег в тени этой же сосны. Ко мне подошли бойцы, которые видели, что я склонился над раненым, и долго находился над ним.

– Ну как, лейтенант? Жить-то наш капитан будет? – спросил один из них.

– Будет! Сейчас вот отдохну, да перевязку ему буду делать, а то на спине рана у него нехорошая от выхода пули. – не подумав, сказал я.

– Ты ж его даже не переворачивал! Откуда узнал? Он же без сознания! – вопросы так и посыпались.

– Вам надо, чтобы капитан выздоровел, али меня решили пытаться? – рявкнул я, отрезая все вопросы.

В этот же момент капитан застонал и попросил пить. Я достал флягу с настоем трав и подал бойцу.

– Поить этим лекарством! – в приказном тоне сказал я.

Тот беспрекословно подчинился и стал поить командира травяным настоем. Я же, взяв топор у костра, отправился искать молодую сосенку. Срубив, я нарезал с нее верхнюю желтую пленку, пропитанную смолой. Дед мне говорил, что эта пленка ложится после среза на рану и меняется каждые 3 часа. Раны быстро затягиваются. Что я и сделал, сняв грязные повязки с капитана. Рана на спине загноилась, пришлось промывать травяным настоем, затем наложил сосновую пленку и поддержал народное лечение своими биотоками, затягивая рану. Покраснение и опухоль вокруг раны спали, и больше я не стал лечить биотоками, так как силы во мне еще не восстановились. С трудом перевязал капитана стерильными бинтами, сказав, чтобы почаще давали ему пить, так как потеря крови была большая. Сам же отошел на свое место в тени сосен и уснул. Спал я до вечера, и проснулся со свежими силами. Поднялся и с удивлением увидел капитана, которого кормили чем-то из котелка.

– Вы чем его кормите, угробить хотите командира?! – завопил я, подскакивая к бойцу с котелком.

– Не ругайся, лейтенант! Ребята тут на хутор набрели. Ну и выменяли за сапоги курицу. Сварили, да бульон с сухариком размоченным даем помаленьку, а курицу побережем капитану, как начнет вставать. Спасибо тебе, лейтенант, золотые у тебя руки! Хочешь ножку от курочки? Я мигом принесу! – он хотел уже бежать, но я резко остановил его командой.

– Отставить! Хутор далеко?

– Километра два-три будет! Да мы теперь дорогу знаем, дойдем быстро. – ответил он.

– Готовься, сейчас выходим. – приказал я ему и подозвал разведчика Смирнова.

– С «погранцами» познакомился?

– Так точно! – перестав жевать сухарь, вытянулся он по стойке «смирно».

– Бери их и пошли, глянем на хутор! – сказал я и подошел к старшине артиллеристов.

– Мы, старшина, идем на хутор, может достанем что-либо съедобное. Ты, пока капитан еще слаб, останешься за старшего. Расставь караулы, займи бойцов чисткой оружия и наведением порядка в военном подразделении, а то ходят, как у батьки Махно! – махнул я от огорчения рукой.

– Слушаюсь! – он отдал мне честь и пошел устраивать порядок в разношерстной команде.

Глядя на удаляющуюся фигуру старшины, чем-то напоминающую коренастую и чуть неуклюжую фигуру медведя, я не сомневался – наведет дисциплину. Мы же, небольшим отрядом, углубились в лес вслед за проводником, держа оружие наготове, так как сейчас в лесах были не только мы, но и дезертиры, бежавшие заключенные и другие, не угодные нам социальные элементы. Можно было получить пулю и от «кулаков», и от националистов, да мало ли кому захочется пустить пулю в спину «москалю треклятому», али просто сдать нас немцам.

Поэтому я предупредил всех двигаться максимально осторожно, как будто мы скрадываем зверя. Подойдя к опушке, мы лежали и долго разглядывали мирный хутор, расположенный на большой поляне, в окружении леса. Над соломенной крышей вился легкий дымок, пахло свежее испеченным хлебом так, что мы чуть не давились слюной. Из хлева слышалось повизгивание свиней, кудахтање кур, промышчала корова. Обычная деревенская картина. Похоже, посторонних здесь не было, но все же что-то меня настораживало, и тут я понял, что уже вечер, солнце садится, но скотину никто не кормит, и корова не доена, поэтому ревет. Из хаты за то время, что мы ведем наблюдение, никто не выходил, а это уже примерно час. Что-то не так!

– Охватываем полукругом, и держать избу на прицеле! Услышите звуки борьбы – придете мне на помощь. – сказал я и, прокравшись по лесу, зашел на хутор со стороны огорода, где не было окон в избе.

Прислонившись к стене, я повернул браслет и попросил у Сварога силу проникновения сквозь стены. У печки лежал старик со связанными руками, голова была в крови, но грудь вздымалась при дыхании – жив! За столом сидели двое и пили самогон, третий спал на широкой лавке, храпя с переливами. Из спальни слышались стоны и женский плач. Я, сделавшись невидимым, подошел к выпивающим, и двумя ударами ножа отправил их к праотцам. Спящий открыл глаза и пытался крикнуть, когда нож пронзил его сердце, но моя рука зажала ему волосатый рот, и он, дернувшись в конвульсиях несколько раз, затих навсегда. Тихо прошел в затемненную спальню, где на кровати лежала распятая молодая девушка, а на ней еще один насильник. Этого я убивать не стал, а сделавшись видимым, подошел сзади и нанес ему по затылку удар рукояткой пистолета, вырубив его на некоторое время. Скинув его с истерзанной девушки, я перерезал веревки, которыми она была привязана к дужкам кровати, и легко похлопал ее по щекам, приводя в чувство. Очнувшись, она в страхе прикрылась руками.

– Успокойся, свои! Давай одевайся и рассказывай, что здесь случилось?

– Где дед? Что с ним? – вновь полились слезы.

– Жив дед, на кухне связанный еще лежит, давай одевайся, не свети своими телесами.

Хотя тело девушки было красивое, высокая упругая грудь, плавный изгиб бедер, роскошные русые волосы, разметавшиеся по подушке. Я отвел взгляд, давая девушке время подняться и одеться в разбросанную на полу одежду. Пока она одевалась, я теми же веревками связал бандита, так и оставив его с голым задом. Прошли с ней на кухню, где она сразу же бросилась к связанному деду и принялась зубами развязывать веревки, стягивающие его. Я помог ей развязать его и побрызгал на лицо водой, дед очнулся и простонал: «Пить!». Из этого же ковша напоили его. Лицо у него было разбито, по-видимому, ударом приклада, из рассеченного лба стекала кровь, один глаз заплыл, нос был сломан, и из него тоже стекала кровь.

– Неси полотенце и холодную воду, лучше сразу из колодца.

Девушка, схватив ведро, перепрыгивая через трупы бандитов, бросилась к колодцу, который был посреди двора. Куры, которые что-то клевали, бросились в рассыпную, хлопая крыльями из-под ее ног. Петух взлетел на плетень и проорал петушиное: «Полундра!». Набрав воды, она принесла ведро и поставила рядом с дедом, которого я уложил на лавку, бесцеремонно скинув труп бандита. Намочив полотенце холодной водой, положил деду на лицо, чтобы приостановить кровотечение, а сам стал за ноги вытаскивать трупы к сараю возле хлева. Вскоре подошли мои бойцы и помогли с уборкой этой дряни. Последнего так же за ноги вытащили во двор и бросили возле меня, он уже пришел в себя и затравленно смотрел то на меня, то на суровые лица моих бойцов, которым я уже вкратце рассказал, что я увидел здесь.

– Ну, скажи-ка, дядя, кто ты такой и почему безобразничаешь? – начал я, демонстративно доставая нож и пробуя лезвие ногтем на остроту.

Недовольный качеством, взял кусочек наждачного камня из планшетки и начал править кромку до бритвенной остроты. Бандит замороженным взглядом смотрел на десантный нож и на мои движения, что-то шепча побелевшими губами.

– Говори, не слышу! – рявкнул я.

– Свои мы, свои! Окруженцы мы! Заблудились, зашли за продуктами, дед сам начал нас выгонять, вот мы и связали его. – затараторил он, в страхе отползая от меня.

– Деда связали, заодно и девушку связали, да и поизгалялись, так? – играя ножом, я стал к нему приближаться.

– Не-е-т! Парни были первые, я же последний, и не обижал ее... – он захрипел и замолк, когда мой нож легко, как в масло, вошел ему в сердце.

Я не любил предателей, а насильников еще больше, и оставлять такую мразь на земле мне не хотелось.

– Закопайте их где-нибудь, а я пока подлечу деда! – скомандовал бойцам.

Те, прихватив пару лопат, ушли к лесу, я же вернулся к деду, который лежал, постанывая, на лавке. Я прижал руки к его лицу и сосредоточился, отдавая ему свою энергию, чувствуя, как она горячим теплом исходит из моих ладоней. Так как я теперь знал норму отдачи энергии, не стал рисковать и прекратил лечение, на первый раз хватит. Поднял полотенце, кровотечение из носа прекратилось, рана на рассеченном лбу затянулась. Глаз немного приоткрылся, но опухоль, хоть и уменьшилась, но не спала. Боль прекратилась, и старик, смешно подергивая бородкой, прошамкал:

– Волхвуешь помаленьку, что ли, служивый?

– Есть малость! – так же шепотом ответил ему я.

– Ты что ли Аленку, внучку мою, спас? – подымаясь на лавке, спросил дед.

– Я, выходит!

– Как звать-то тебя, ваш благородие?

– Андрей Иванович, лейтенант Рабоче-Крестьянской Красной армии!

– Подпоручик значит, доброе звание! С солдатушками на переднем крае, не прячешься за их спины? Вижу, что не прячешься, вон один всех извергов положил, внучка говорит. Покажу тебе тропу тайную среди болот, на большой остров. Склад там на случай войны, подземный, строили еще задолго до войны. Только одно условие, возьмешь внучку в отряд, здесь сейчас опасно, а там ты сможешь ее защитить. – вздохнув, сказал дед и, подрагивая своей козлиной бородкой, добавил. – Ты уж присмотри за ней, бедовая она у меня, вся в мать пошла. Та, в гражданскую медсестрой записалась и сбежала из дома, а потом в Киеве выскочила замуж за красного командира.

– А почему внучка у тебя живет? – спросил я.

– В 37-м году и командира, и ее, беспутную, упекли в НКВД, а внучку я к себе забрал. Вот с тех пор и живет со мной. – вновь вздохнул дед и, достав трубку, начал набивать ее табаком.

– Дед, у меня в лесу еще люди, не поделишься продуктами? Деньги, конечно, дать сейчас не сможем, а вот расписку напишем. – спросил я.

– Я к нему, как к человеку, а он мне про деньги! Ты мне и внучке жизнь спас, что я, зверь какой-то? Что есть, все отдадим! Аленка! Подь сюда! – крикнул он, открыв оконную створку.

– Что, деда?

– Скажи солдатакам, пусть одного кабанчика колют! Только смотри, чтобы не свинку, а кабанчика. Да потом иди в погреб, картошки набери мешка два, как-нибудь уж дотяну до свежей. – опять по-старчески вздохнул он и добавил, обращаясь ко мне. – Ты уж побереги ее, ладно?

Винтовки у бандитов были не чищены, но мы забрали их, и несколько запасных обойм. К кабанчику и картошке дед добавил 3 караваев хлеба и большой шмат сала. Для курильщиков насыпал полный кисет самосада, чему бойцы были больше всего благодарны. Дал мне четверть черной мутной жидкости от гнуса, понюхав, я по запаху определил, что присутствует деготь с какими-то травами. Заметив, что я пытаюсь определить состав, дед ухмыльнулся, подмигивая уцелевшим глазом:

– Еще спасибо скажете, там на болоте, этому зелью. Будет кончатся, придешь, вместе с тобой и сварим это старинное зелье казаков. Приходите завтра с рассветом...

– Дед! – перебил его я. – А пушки по твоей тропе пройдут?

– Ну, телеги проходили, а вот пушки? – он поскреб подбородок. – Тут надо подумать и посмотреть! Ладно, завтра на месте и определим! – решил он и, обняв меня, похлопал по спине и, отпустив, перекрестил. – Идите с Богом!

В наступающей летней ночи мы добрались до лагеря. Капитан встретил нас, уже сидя на пне возле костра. Так же, как и все бойцы, он больше обрадовался самосаду. Голод от недостатка пищи еще можно выдержать, а вот никотиновый голод, он терзает сильнее, как говорят курильщики, даже уши опухают у них, так сильно курить хочется. Тут поневоле начинаешь думать, чем можно обмануть организм. Вот и идут в самокрутки то мох, то сухие листья, то даже сушеные грибы. Лишь бы утолить никотиновый голод. Солдаты делаются злые, дерганые, тут уж только авторитет старшины держит дисциплину у этого разношерстного войска. Вот он и взялся распределять табак. Сосчитав всех курящих, он половину кисета распределил по кучкам на каждого курильщика, а вторую половину убрал в свои запасы, предупредив всех, чтобы сэкономили курево. Капитанскую пайку я пока сказал убрать старшине, так как раненому с поврежденным легким курить было строго запрещено, кашель (а самосад был, по всем признакам, «горлодёр») вызвал бы вновь кровотечение внутри, а значит, неминуемо – смерть.

Бойцы разделали кабанчика на куски и поставили тушиться на костер, вторую половину мяса подсолили и завернули в листья лопуха, закопав мешок с мясом в тени кустов. Когда мясо сварилось, его очистили от костей и добавили крупно порезанный картофель с луком и морковью. Аромат тушеного мяса с овощами охватил всю поляну. Все бойцы молча подтягивались поближе к костру. Раздачей занялся сам старшина. Первым он положил в котелки смене караула, поев, они сменили караульных, которые тоже встали в очередь. Отовсюду слышались радостные возгласы о божественной пище, как дома или в ресторане. Мы тоже, с капитаном, покушали с деревенским хлебом, каждому достался ломоть душистого, из печи, хлебушка.

– Утром едем искать секретную нашу базу. Проводник покажет дорогу, ну а там уж поищем вход! – начал я объяснять ему план на завтрашний день. Он перебил меня:

– Ты что, лейтенант! Отсиживаться собрался? Прятаться? – лицо его покраснелось, здоровая рука начала шарить по поясу, ища кобуру с пистолетом.

– Ты успокойся, капитан! Никто не собрался прятаться! Я по специальности диверсант, а значит действую в тылу врага, бью его в хвост и в гриву. Ты вот много ли убил немцев, как говорится, лоб в лоб. Мне кажется, больше положил своих солдат, чем немецких. Немец действует по науке, вначале уютит нас самолетами, потом артиллерией, затем пускает танки, а уж потом идут солдаты. Они зачищают то, что еще осталось живое и может сопротивляться. А если в этот отлаженный механизм сунуть русский ломик, да так, чтобы все шестеренки посыпались, например, взорвать нужный им мост или пустить под откос важный поезд, ты об этом не подумал, когда хватался за пистолет? Кто больше пользы принесет – я, взорвавший поезд с немецкими танками и уничтоживший, допустим, двадцать танков, и заблокировавший хотя бы на сутки железную дорогу, или твоя батарея, которую в первом же бою уничтожат, если она обнаружит себя?

Сорокапятка могла подбить танк только когда стреляла с расстояния 500 м, что в бою равнялось самоубийству, так как после первого выстрела надо было менять позицию, враг быстро засекал место батареи. Времени для смены позиции чаще всего не оставалось. Капитан знал об этом и, помолчав, добавил:

– Ну, ты загнул, конечно, про двадцать танков за один эшелон!

– Да будь он даже пустой, сутки дорога будет закрытой, а это значит не пройдут другие эшелоны с живой силой, горючим, боеприпасами, танками. А если будет еще и связь с Большой землей, мы можем направить самолеты на станцию, где все это скопилось. Прорываясь

на восток, капитан, ты, возможно, погибнешь сам и положишь своих солдат! Пользы от этого не будет. Здесь же мы можем причинить врагу больше вреда, ударяя его по слабым местам. – убеждал я капитана.

– Там мы – армия, а здесь непонятно кто! – пробовал он парировать мне.

– Мы и здесь армия. – я расстегнул гимнастерку и показал ему край полкового знамени. Он погладил его здоровой рукой, из краешка глаза скатилась скупая мужская слеза:

– Убедил, лейтенант, командуй. – и он поднялся с пня и лег на свою лежанку, размышляя о том, что он не понял человека и сразу плохо о нем подумал.

Утром отряд поднялся, ездовые запрягли коней и батарея, выросшая за счет окруженцев, двинулась к хутору. Впереди шел дозор из пограничников, справа и слева также шла охрана. Выходить из леса не стали, и я отправился на хутор вдвоем с разведчиком Смирновым. Дед, по-видимому, ждал нас, так как вышел на крыльцо и, узнав меня, помахал рукой. Следом вышла Аленка в простенькой одежде с котомкой за плечами. Дед вынес из сени свой мешок и старенькую «Берданку» (*охотничья винтовка – прим. автора*). Закинув все это за плечи, он двинулся в сторону огорода. Я махнул рукой, и моя «армия» двинулась вслед за нами. Мы шли по какой-то старой, заросшей мелким кустарником, просеке. Пересекали ручьи, взбирались на косогоры. Утопали в глубоком мху, под которым проступала вода, и наконец вышли к обеду к болоту, края которого было не видеть. Дед приказал всем готовить слезы, лошади идут в середине. По каким-то ему известным приметам он нашел только ему знакомую тропу. Осторожно ступил в жижу и, прощупывая перед собой слегой дорогу, пошел, погружаясь по щиколотку в болото. Лошади было заупрямились, но когда их взяли под уздцы, также ступили в воду, сзади орудия толкали расчеты. Медленно, но мы удалялись от берега, и, казалось, болоту нет конца. Время от времени дед останавливался и по каким-то признакам определял направление, и колонна снова двигалась за ним, как нитка за иголкой. Лишь к вечеру мы вышли на остров, выжатые, как лимон. Дед показал родник, где могли помыться те, кто оступился и искупался в болоте. Развели костер, и стали готовить ужин, благо была еще картошка и половина кабанчика.

– Слушай, дед, а как же нам выходить, если вдруг не будет тебя? – спросил я.

– Я поставлю вешки из березы, если пойдете отсюда, держитесь левой стороны, если с того берега, то правой. Ширина гати два метра, поэтому держите другую вешку в поле зрения и направляйтесь в ту сторону, куда показывает ее ветка. – оглаживая свою бороденку, продиктовал мне дед в записную книжку.

Это было важно, и я все записал. Дед поел и тронулся, груженный вешками, которые он ставил через каждые 50 метров. Вскоре он исчез из вида. Мы же намазались его вонючей мазью от комаров, которых тут собралось на пиршество великое множество, наверное, со всего болота. Гул стоял зловещий, как будто эти болотные вампиры говорили, что доберутся до нас. Лошади жались к костру, спасаясь в его дыму от кровососов. Я приказал ездовым разжечь дымокуры лошадям. Только после этого они могли приняться за еду. Я же прошел немного вглубь леса, чтобы быть и недалеко от гати и родника, и чтобы нас не засекли с воздуха. Вскоре нашел такое место в распадке, где можно вырыть землянки, а сверху все прикрывают раскидистые кроны сосен. Да и комаров показалось меньше, чем у болота. Позвал всех перейти после ужина на новое место, да и огни костров будут не так заметны. Так с хлопотами и обустройством пролетела ночь. Утром завтракали картошкой, приправленной чуть тушенкой, с одним сухарем на бойца. Продукты имеют такое свойство, иногда кончатся, что и случилось сейчас. С чаем проблем не было, на полянах росла душица, кипрей (он же иван-чай), зверобой, возле болота – мята, смородина, лабазник. Поставил Алену заготавливать цветущие травы, показал, как резать, как сушить в тени деревьев, развешивая пучками. Дал ей двух бойцов, остальных отправил в разные концы острова искать что-то необычное для этих мест, что выделяется из всего этого.

Первое, что обнаружили бойцы, была взлетно-посадочная полоса. Полоса была поросшая лишайником и травой, но местами до сих пор проглядывал бетон. С одной стороны, она начиналась от внушительных размеров скал, и заканчивалась, упираясь в лес. Мы прошли к скалам, на которых росли сосны и мелкий кустарник. Что-то было не так, и это что-то уже бросилось в глаза. Подойдя вплотную к скале, я понял: большие громоздкие ворота были замаскированы под скальную породу. В специальных карманах под камень была засыпана земля и высажены кустарника, которые маскировали дверь. Мы попробовали откатить эту воротину, и она неожиданно легко заскользила по рельсу, откатываясь в сторону и открывая проход внутрь. Внутри стоял сумрак, но в падающем от дверного проема свете увидели стоящий «кукурузник» – ПО-2. Возле него, на стеллажах, лежали бомбы и запчасти, с другой стороны бочки, по-видимому, с горючим и маслом. Рядом с ними стоял генератор, от которого провода поднимались к потолку и уходили внутрь штольни. Бойцы стояли, раскрыв рот от такого увиденного.

Заработал генератор, выпуская выхлопные газы в трубу, которая выходила наружу, в гущу кустарника, где дым рассеивался незаметно. Свет осветил рельсы, которые уходили вглубь, за железные двери. Открыв их, увидели длинный коридор, освещенный тускловатыми лампами, по краям решетчатые двери с пломбами. Через решетку мы увидели большое помещение, на деревянных полках в котором стопами лежали кальсоны, гимнастерки, шинели, шапки, телогрейки, матрацы, простыни и прочее имущество. Во втором отсеке – мешки с крупой, мукой, ящики с тушенкой, сигареты, водка, копченые продукты, печенье и многое другое, в третьем – оружие, боеприпасы, мины противотанковые и противопехотные, минометы с запасом мин, пушки 45 мм со штабелями снарядов, в общем, очередная пещера Алладина. С другой стороны были расположены казармы с двух ярусными кроватями. Была продумана система водопровода и канализации. Свежий воздух подавался принудительно через вентиляционные трубы. Продумана система осушения, поэтому везде было сухо, нигде не капало. Железные печи стояли в казармах и штабе. Дымоходы терялись где-то в скале, и я догадывался, что они тоже устроены умно и незаметно.

Ну что ж, мне здесь нравилось, и я подозвал старшину и приказал принять склады под свою ответственность, а поначалу выдать всем сухой паек и по сто грамм горячительного. Не дай Бог, еще заболеют от купания в роднике после болота. Бойцы растопили печь в казарме, чтобы обсушиться и разогреть банки с тушенкой. Некоторые отваривали в котелке гороховый концентрат, добавляя туда в конце варки тушенку. Сухарей им старшина не пожалел, выдал и по пачке папирос «Армейские» по цене 4 коп. 3 сорт Гродненской сигаретно-ферментационной фабрики БССР. По словам старшины, та же самая мохра, но красиво курится.

Поставили караул у ворот с двумя пулеметами, заставив их выложить бруствер из камней и сделать окоп глубиной сантиметров семьдесят, дальше шел камень. Пулемет торчал из амбразуры, выложенной из булыжников, еще бы закрыть в три наката и самый настоящий дзот. Вторую огневую точку организовали на скале, над воротами. Также пришлось выкладывать пулеметное гнездо из камней и прикрывать зеленью, чтобы не бросалось в глаза. Подъем на скалу нашелся случайно, когда один из бойцов пошел по-маленькому в заросли молодых сосенок и обнаружил широкую щель между скалами, где были вырублены ступеньки, ведущие наверх. Сделав пулеметные гнезда, оборудовали их связью – полевыми телефонами, которые старшина выдал начальнику секретной базы, то бишь капитану. Я же напросился в начальники штаба со свободным выходом на операции. В штабе на стене висела большая 2х2 метра «километровка» этого района, где подробно были изображены дороги, реки, мосты, железнодорожные станции и пути, хутора, деревни и другие населенные пункты. Я нашел наш остров, окруженный болотами, которые обозначены, как непроходимые. С другой стороны острова, в километре за болотом проходила автомагистраль Любешов-Маневичи, через 20 километров она пересекала реку по совмещенному с железной дорогой мосту. Понятно, что он охраняется, но уж больно это лакомый кусок. «Но как пересечь болото в этом месте?» – думал я. Вышел на берег и осмот-

рел в бинокль округу, и тут меня привлек лист, подгоняемый ветерком, он лихо скользил по поверхности. Эврика! Аэроглиссер – это мощный катер, который может идти и по воде, и по земле. То, что мне и нужно, главное найти бухту, где я могу оставить безопасно аэролодку. Сказав часовым, что я обойду остров, в ближайшем лесу перенесся в Москву с пересадкой в Тюмени, где переделся и захватил десяток пачек «баксов».

В двухтысячных Москва сильно изменилась. Обменяв 2000 долларов на рубли по 28 с копейками за один «бакс», я прошел по магазинам для рыбаков и охотников. Но то, что они предлагали, меня не устраивало. Видя мое недовольное лицо, ко мне подошел пробивного вида мужик.

– Чего ищем, молодой человек? – грызя семечки, поинтересовался он.

– Аэроглиссер, или, как у нас называют, аэролодку, грузоподъемностью 0,8-1 тонн. Скорость можно небольшую, 10-20 км, по цене договоримся. – озадачил его я.

Он крикнул и, почесав свою «репу», сказал, что ему надо посоветоваться. Он отошел в сторону и, достав продолговатую черную коробочку, потыкав в нее пальцем, начал разговаривать по ней, как по трубке с таксофона. Прижав кольцо ко лбу, мысленно спросил Хранителя, что это такое. Ответ пришел мгновенно: «Телефон будущего». Это была моя мечта, – носить телефон в кармане, и всегда можешь связаться с друзьями и родным дедом.

Подошел мужик и, оглядев меня критично, спросил, есть ли у меня деньги на такую покупку, так как стоит она более двух тысяч долларов. Я сказал, что есть, но оплата после показа аэролодки в действии. Он достал ключи и пригласил меня на осмотр покупки.

Машина иностранного вида с кольцами на капоте, легко несла нас в сторону Строгино, судя по указателям. Повернув на Неманский проезд, мы через дворы выехали на старицу реки Москвы. Возле берега на волнах покачивался белоснежный аэроглиссер хорошего водоизмещения. Рядом на берегу разместились компания из трех бритоголовых, в кожаных куртках, накаченных парней. Двое пили пиво из банок, третий, полулежа, жуя сигарету, рассматривал меня.

– Валёк, этот что ли лох собрался прикупить мою «ласточку»? – спросил он мужика, что привез меня на эту поляну.

Тот кивнул и подошел к парням, взяв банку с пивом.

– Ну, рассказывай, «лошара», откуда узнал про мою «ласточку», кто надоумил тебя позариться на нее? Ты даже не представляешь, – перешел он на крик. – как я зол, да я просто разорву тебя, «петушара», за одни твои грязные мысли о моей «ласточке», кровью сосать будешь, говно свое жрать от боли, все мне отдашь, чтобы только я тебя не убивал!

Думая, что он меня сломал, запугал, потом он тихо сказал:

– Ну, ты, конечно, можешь откупиться, так как я сегодня добрый! Валёк сказал, что ты располагаешь «баксами», ну мы и это принимаем! – он оскалился в улыбке, светя золотыми зубами.

Так он и умер, словив пулю «вальтера» в глаз. Бойцы его вскочили и попятнулись к берегу, один пытался выхватить пистолет из-за пояса на спине, но с пулей в животе упал и засучил ногами от боли.

– Кто еще пытается сопротивляться? Мне патронов не жалко, там, откуда я, этого добра много! – держа их на мушке, проговорил я.

– Сказал бы сразу, что из наших, ничего бы и не было, и «Золотого» не надо было бы валить! – проворчал Валёк.

– Тебя придется валить, Валёк! Ты слишком много знаешь!

Тот побелел и начал пятиться, прячась за парней, пока один не врезал ему в челюсть и не выпихнул на середину поляны.

– Не надо! – он упал на колени и пополз ко мне. – Не надо, не убивай! Тебе нужна эта чертова лодка, забирай! Не надо ни денег, ничего! Эта лодка была «Золотого», она ему больше не нужна, забирай, только не убивай!

– Все оружие в лодку, патроны тоже! Малейшая попытка, и пуля накажет! – я повел стволом, и они начали складывать на дно пистолеты, обоймы, и даже ножи.

У «Золотого», и у парня с пулей в животе они тоже забрали пистолеты и отошли в сторону. Я завел двигатель у аэроглиссера и, прострелив колеса у их джипа и у «Ауди» (как я узнал, что это «Ауди»? А кто теперь разберет как, может научился телепатии, слишком много я имею волшебных навыков, полученных у Сварога), полетел вдоль старицы.

Скрывшись от глаз, я повернул браслет и оказался у острова. Заглушив двигатель, по инерции подплыл к острову и, привязав конец веревки к стволу ивы, отправился к своим. Теперь я мог перекинуть через болото десяток бойцов за один раз, с оружием. А это уже сила. На шум мотора прибежала дежурная группа во главе со старшиной. Увидев меня и неизвестную лодку необычной формы, они засыпали меня вопросами. Отбрехался, что нашел ее за тем лесом, дескать, дрейфовала у берега, вот я ее и поймал. Все восхищались, лишь один старшина смотрел на меня изучающим взглядом, так как я так и не переоделся, и был в джинсах, совсем для них неизвестной одежде, и с пачками долларов. Повернув браслет, я попросил Сварога, чтобы группа со старшиной уснула, а через 10 минут, все забыв, проснулась. Миг, и все спят. Я перенесся в Тюмень, выложил деньги, переоделся, и вновь переместился в 41-й год на болото. Присев на глиссер, я ждал, когда бойцы проснутся. Первым проснулся старшина, так как он был рядом со мной, за ним дежурная группа.

– Вы, ребята, осторожней, болотный газ, если в него заходишь, усыпляет, а потом, как его относит, и вы дышите чистым воздухом, вновь просыпаетесь! Вот гляжу на вас, вроде умные! Чего толпой бежите? Как вас учат, расстояние между бойцом, в розыске, не более 3 метров, или на расстоянии видимости, а вы, паразиты, всей толпой в газовый капкан и угадали. А если бы это был вражеский шпион и убил бы вас, красных бойцов, кому Родина доверила оружие и защиту своих рубежей? И это под руководством красного командира, старшины Сидорова Юрия?

Тот зашвыркал носом и, прокашлявшись, промолвил басом:

– Прости, командир, хотел, как лучше! Исправимся. – он рывкнул на своих, – Иванов на пост по охране лодки, всем остальным на базу! – и пошел рядом со мной, повесив новенький автомат ППШ на грудь.

Теперь у всех нас было новое оружие, склад НКВД был для нас, как награда. Впрочем, раз он создавался для отряда НКВД в тылу врага, он и служит для этой цели, так как просто отсиживаться мы не собираемся. Словно прочитав мои мысли, старшина спросил меня:

– Когда немца бить будем, товарищ лейтенант? Вон даже лодка интересная, с винтом как у самолета, у нас есть. Теперь, я так думаю, не придется брести по болоту.

Придя на базу, прошли в командный центр, где уже находился капитан. Раненая рука у него уже начала действовать, и я первый раз увидел его улыбку. Старшина рассказал, что я поймал чудо-лодку, на которой можно пересечь болото, тот тут же захотел ее посмотреть в действии. Пришлось идти и показывать. Решили обучить двух-трех бойцов управлять ею, чтобы могли встречать группы взрывников на краю болота и перевозить их через него. Для этой цели взрывникам выделялась рация и в аварийном случае оговаривался световой сигнал: в солнечный день зеркалом, ночью фонарем.

Подготовили первую группу взрывников, которые должны взорвать мост через реку Стоход (правый приток р. Припяти), по нему проходят автомобильное сообщение Любешов-Маневичи и железнодорожная ветка. Мост, конечно, охраняется, вот и надо узнать, какими силами и как. Поэтому решил идти с ними, да и просто не хотелось сидеть без дела. Начали со сбора вещей:

1. Сто кг тола. Думаю, что на мост должно хватить. Если разделим груз на всех, то это по 10 кг на брата.

2. Противотанковые мины ТМ-39 весом 6,7 кг для подрыва поездов.

3. Личное оружие и боеприпасы.

4. Сухой паек из расчета 5 дней (сухари, тушенка, курево).

5. Личные вещи (запасные портянки, бритва, мыло).

6. Рация, фонарь.

Итого набралось на каждого по 30 кг груза, который распределили по вещмешкам, не забыв взять с собой дедову жидкость от гнуса.

Вышли на рассвете, часа в четыре утра, над болотом стоял густой туман, поэтому шли на аэролодке по компасу, ожидая, что в любой момент можем наткнуться на топляк или другое препятствие, и тогда из этих топей не выбраться. Впереди сквозь туман зачернел лес, и я, сбавив скорость, тихо причалил к берегу. Обученный боец пересел на место водителя и, лихо развернув лодку, уплыл обратно на остров. Мы же, проваливаясь в сыром грунте, побрели к зарослям тальника, за которым начинался дремучий сосновый бор. Засек это место на карте, сделав зарубки на деревьях. Отсюда будем сигналить лодке. На сухом месте сделали привал, после чего я отправил двоих вперед дозором, не хватало еще наткнуться на немцев или полицаев. Все ж к обеду, когда до дороги оставалось не более трех километров, мы наткнулись на окруженцев. Старая заросшая дорога вывела нас на вырубку, где в тени деревьев разместились полуторки с прицепленными пушками 76 калибра. Стояли два танка БТ-7 с пушкой КТ-28. Как только мы вышли из-за деревьев, нас окружили солдаты с винтовками наперевес. Вскоре подошел капитан и, держа руку на кобуре, потребовал документы, и рассказать, что мы здесь делаем. Я достал из гимнастерки документы и передал ему. Прочитав, он положил их к себе в карман и потребовал сдать оружие и пройти к командиру. Предложив бойцам отдохнуть в тени, я передал свою снайперку и пистолет капитану, оставил у ребят свой вещмешок и отправился с ним к палатке командира. Повсюду под деревьями лежали раненые, слышались стоны и матерки. Запах гноя и крови стоял на этом пятачке боли. Даже некоторые часовые стояли с перевязанной головой. Видно, здорово потрепали их немцы. Комдив Зыков с перевязанной левой рукой сидел за патронным ящиком и рассматривал карту с нанесенными на нее значками. Услышав шаги, он поднял голову, усталыми глазами вопросительно взглянув на капитана.

– Товарищ комдив! Задержаны подозрительные люди с оружием в расположении дивизии! – отчеканил капитан и подал мое удостоверение командиру дивизии.

– Свободны, капитан! – махнул он ему здоровой рукой.

Прочитав документы, он спросил, что я тут делаю. Тогда я расстегнул и снял гимнастерку, доставая тяжелое полотно полкового знамени. Комдив, посмотрев на номер полка, спросил: «Полковник Корнеев жив?». Я отрицательно мотнул головой: «Попали под бомбежку, меня контузило, когда очнулся – никого в живых не застал. Из штабной машины спас знамя и забрал документы убитых командиров».

Комдив вновь поморщился от боли в руке, которая, по-видимому, сильно беспокоила его.

– Товарищ комдив! Прикажите принести мой мешок, в нем бальзам из трав, помогает быстро заживлять раны. Своих бойцов я быстро поставил на ноги!

– Позови часового, лейтенант! – попросил комдив.

Вошедшему часовому он приказал найти капитана Васильева и принести вещмешок лейтенанта. Через пару минут капитан занес вещмешок. Я достал бинты, фляжку с настоем трав, и попросил комдива выйти на свет, так как в палатке был полумрак. Разбинтовав привычно плечо, я осмотрел рану. Пуля прошла насквозь через мягкие ткани, не задев костей, но рана воспалилась. Промыв ее настоем трав, я смоченным тампоном делал вид, что чищу рану, сам же, сосредоточившись, своей энергией залечивал ее. Краснота и опухоль спадала, но и моя

энергия истощалась. Прекратив, я попросил капитана срезать желтую пленку с сосенок и, приложив их с двух сторон на раны, перебинтовал плечо. Комдив пошевелил рукой и, не ощутив привычной ноющей боли, удивленно сказал: «А ведь меньше болеть стало! Спасибо, лейтенант! Много у тебя такого бальзама? А то видел, сколько у меня раненых, а ведь еще два дня назад была полнокровная дивизия! – он вновь тяжело вздохнул, видно вспомнив жестокие бомбежки, воющий звук «Юнкерсов», треск пулеметных очередей и разрывы бомб. Вспомнились лица убитых молодых солдатиков, которые еще ни разу не брились, лишь недавно окончили десятый класс.

«Мы безусые парни, и грош нам цена.

Нас безжалостно сгрызла злодейка-война.

Мы в три слоя, в три слоя лежим под Москвой.

Лишь вчера из-за парты с тобой...»

(отрывок из стих. Н.Сунцова «Десятиклассникам, не вернувшимся с войны»)

Встряхнув головой тяжкие воспоминания, комдив пригласил меня и капитана обратно в палатку.

– Рассказывай, лейтенант, куда направляешься, а то видишь, из командиров нас осталось только двое, я да капитан, а из дивизии если наберется полк, то хорошо будет. Оставайся, хорошие бойцы нам нужны, а вы, я смотрю, хорошо укомплектованы, даже рация есть, мне сказал капитан! – проговорил комдив.

– Задание теперь у всех одно – бить врага! Ну а мы хотим взорвать мост через реку Стоход, что прервет автомобильное движение и железнодорожное!

Я показал на карте расположение. Комдив проследил взглядом расстояние от своей стоянки до моста, выходило около тридцати километров.

– Послушай, лейтенант, а если я тебе дам укомплектованную роту, ты сможешь захватить и удержать мост, пока мы не перейдем на тот берег?

– Сколько у вас полуторок, чтобы перевезти раненых? – вопросом на вопрос ответил я.

– Сколько? – повернулся комдив к капитану.

– Исправных восемнадцать, три в ремонте и четыре не подлежат восстановлению! – четко отрапортовал капитан.

– Значит фактически двадцать один грузовик! По норме входит в кузов 16 бойцов, уплотним раненых и загрузим по 25 раненых, итого 525. Прицепим на тросах неисправные грузовики, куда еще разместим сто раненых. – считал я. Комдив перебил меня и спросил у капитана общее количество раненых.

– Утром санинструкторы доложили, общее количество раненых две тысячи четыреста двадцать человек, из них шестьсот восемь тяжело раненые, умерло двадцать семь. – отчитался он.

– Значит, надо сделать пять рейсов, чтобы перевезти всех, а фронт стоит за рекой Случь, а это почти двести километров по занятой немцами территории! – подсчитал я, глядя на карту.

– Придется постараться, за ночь они могут сделать только два рейса, значит придется тебе, лейтенант, стоять три ночи и три дня! И стоять насмерть, не дать немцам захватить мост. Людей я тебе дам, полнокровную роту, артиллерию, пулеметы. Патронов не густо, но дам, ты главное продержись!

– Продержись, товарищ комдив! Но вначале мы должны одновременно взорвать железнодорожные пути у Любешова и Маневича, чтобы исключить подвоз подкрепления и техники. Одновременно с подрывом путей уничтожаем охрану моста, захватываем стратегическую высоту в поселке, откуда все должно простреливаться, и тогда даем сигнал вам выступать.

– А что, капитан, неплохой план у лейтенанта! – поддержал комдив меня.

– Разведка нужна! Мы же не знаем даже, сколько там расквартированных фрицев, а лейтенант уже все захватил, всех разгромил! – проворчал капитан.

– Конечно, капитан, вначале разведка! Все ж я обучался как диверсант, так что понапрасну людьми не буду рисковать. – ответил я.

– Сколько вам надо времени на разведку? – спросил комдив.

– Сутки. – ответил я.

– Что нужно для этого? – поинтересовался комдив.

– Мои люди, и еще двадцать противотанковых мин! – отчеканил я.

– Мины есть, только, правда, немецкие, мои саперы сняли, когда мы прорывались. – вставил капитан.

– Ну тогда и одного сапера в помощь. – тут же оборзел я.

– Ну, хорошо! Выступайте! Капитан, выдай лейтенанту мины и людей! – приказал комдив. – Жду хороших вестей, лейтенант! – пожал он мне руку.

Оставив взрывчатку, мы загрузились минами немецкого производства «tellermine 35». Сапер вкрутил на место взрыватель ТМi Z 35, выставив на белую риску (sicher), предварительно вставив чеку. Он же припер вместо двадцати мин все, что у него были, которые они сняли, то есть тридцать две, а это по три штуки на брата, плюс оружие, продукты и прочее. А к тому же еще рация и катушка телефонного провода, которую по нашей просьбе выделил старшина. И вот мы, нагруженные как ишаки, скрылись в зарослях шиповника, растущего вдоль старой вырубки.

Идем осторожно, след в след, если нарвемся на мины, то погибнет один. Да и врагу труднее определить, сколько людей прошло здесь. Впереди подал сигнал дозорный, вышли к дороге. Залегли за деревьями. Машины проходили часто, но в основном колоннами, нам же нужна одиночная, и желательно без повреждений. Придется вновь воспользоваться моими волшебными свойствами. Оставив за себя одного из пограничников, отошел метров на сто вдоль дороги, чтобы бойцы не видели, и, повернув браслет, сделался невидимым. Приготовив «ТТ», стал ждать колонну, которую увидел издалека. Грузовики шли с натугой, видно везли тяжелый груз. Дождавшись, когда последний поравняется со мной, я, повернув кольцо, пожелал оказаться в кабине. Миг, и я нахожусь между шофером и офицером. Ударом ребра ладони по горлу я отключил офицера, а рукоятью «ТТ» – шофера. Ну не хотелось мне марать кабину и одежду фрицев. Нажав на тормоз, я остановил машину и, сделавшись видимым, вылез из кабины. Пока не было других машины, вытащили фрицев в лес, а машину отогнали на старую дорогу, которая вела на вырубку. В кузове были складированы ящики с 20 мм патронами к зенитным орудиям «Эрликон». Все ж не даром я сканировал мозг учителя немецкого языка, смог все прочитать. Вернулись бойцы, принесли одежду офицера и шофера с документами.

– Допросили фрицев? – спросил я разведчика.

– А чего их допрашивать, они ж по-нашему ни бельмеса! – хохотнул он. – Вот я их и прирезал.

– Поторопился, надо было все же допросить. – посетовал я. – Кто у нас умеет водить машину? – обратился я к бойцам.

Отозвались двое, в том числе и разведчик.

– Переодевайся в немца, а я в офицера. Остальные в кузов, прячьтесь за ящики! – командовал я.

И вот мы, не спеша, едем в сторону моста. Время от времени нас обгоняют более быстроходные машины. Частенько из кузова проезжающей машины слышатся звуки губной гармошки и нестройный хор немцев. Через час мы въезжали в поселок, за которым был мост. На краю деревни на высоком холме стояла когда-то каменная церковь, но война не пощадила ее, колокольня была разбита полностью и лежала, развалившись на части, рядом со стенами, как бы укоряя людей: «Что ж вы, звери, творите?». Рядом с церковью на холме стояла зенитная бата-

рея «Эрликонов» из двух орудий, еще два стояли за мостом. Решили вначале убрать немцев на холме, откуда просматривалась вся территория вокруг.

– Главное, оставьте мне ящики! – наказал я своим бойцам.

По едва заметной дороге мы стали подыматься на холм. Дымя старым мотором, грузовик еле-еле дополз до первого расчета «Эрликона». Ко мне уже спешил унтер-офицер СС, я вышел из кабины, и он, вытянувшись во фрунт, отрапортовал мне:

– Унтершарфюрер Карл Зибнер, герр оберштурмфюрер. Зенитная батарея 131 полка дивизии «Адольф Гитлер» на охране моста.

Я махнул лениво рукой, как бы фамильярно, отменяя все доклады.

– Тут я, Карл, привез вам патроны, скажи своим, пусть половину выгружают здесь, а половину на мост.

Я подошел к заднему борту и подл сигнал своим. Двое немцев полезли в кузов, а двое стали принимать ящики. Пока они уносили первые ящики, двоих в кузове бойцы убрали. Как только они подошли за новыми, свистнули два ножа, и они тихо опустились на землю. Их тут же закинули в кузов, а я подошел к унтер-офицеру и вытащил у него из кобуры парабеллум.

– Жить хочешь, Карл? Тогда выполняй все мои указания! – я приставил ему к животу его же пистолет.

– Вы кто? – прошептал он побелевшими от страха губами.

– Русские мы, русские! И обещаю, если будешь делать все правильно, оставлю в живых, будешь кричать или убегать – пущу пулю в живот, а это очень больно, тебе точно не понравится! Где остальные с этих орудий? Мы уничтожили четырех, где еще двое?

– Ушли в поселок за обедом! Сейчас будут.

– Связать, сунуть кляп и в кузов! – приказал я бойцам. Внизу, у подножия холма показались два немца, несущие 2 термоса. Ну что ж, обед уж нам точно не помешает. Этих убрать оказалось еще проще. Приказав им поставить термосы возле машины, я одному нанес удар ногой в пах, а второму рукоятью пистолета в висок. Оба рухнули как подкошенные. Разведчик добил «внуха» ножом, второй был и так мертв. Вновь раздели немцев, и мои бойцы выглядели уже как настоящие фрицы. Трупы, прикрываясь от немцев метровыми стенами церкви, спрятали в каком-то подвале. Развязали Карла и посадили между водителем и мной, все ж его вид успокоит фрицев. Подержав его за руку, внушил ему, что все мы делаем правильно, что он помогает своей Родине, просто надо сменить расчеты. Вскоре к нему вернулся нормальный вид командира, и как только мы подъехали и вылезли из кабины, сразу же начал распекать солдат за внешний вид, за грязь, за то, что они позорят его перед начальством. Приказал всем садиться в кузов, их сменяют другие солдаты.

Все прошло тихо, и без шума. Оставив четырех бойцов на позиции, с остальными сняли часовых на мосту. Те знали Карла в лицо, поэтому у них не возникло даже подозрения. Последними уничтожили смену в карауле, вместе с фельдфебелем, который зашел туда после проверки часовых. Мимо как раз проходил товарняк, громыхая колесами на стыках, и никто в поселке не слышал наших выстрелов. Остался взвод жандармерии, что проверяла документы на въезде в поселок. Этим придется убирать ночью, когда на дороге стихнет движение. На мосту мои бойцы все также исполняли роль часовых, так же сидели за «Эрликонами» стрелки. Внешне мы ничем не привлекали внимания проезжающих немцев, тоскливая караульная служба. Разгрузили машину, пополнив боеприпасами зенитные орудия. Приказал бойцам подготовить секторы обстрела по наземным целям, убрав мешающие предметы. Пришлось им перекладывать мешки с песком, чтобы «Эрликоны» могли стрелять по дороге и мосту. После чего они стали рыть окопы для укрытия от артобстрела и сильной бомбежки. Работы им хватало.

Я же с разведчиком отправились обратно. На выезде из поселка машину остановил жандарм с бляхой на шее. Проверив документы и путевой лист, он поинтересовался, почему мы

едем обратно, когда в листе указан маршрут в Маневичи. Я поманил его за машину, чтобы другие немцы не видели, и, прикоснувшись к его руке, внушил ему, что мы едем за ранеными, и как только он увидит вновь нашу машину, он должен пропустить ее и всю за ней колонну. Немец попался покладистый и закивал головой, что он все сделает. Я вылез из машины и отправил разведчика за ранеными, передав командиру, что к утру немцев в деревне не будет. Мост и высота заняты.

После того, как машина скрылась в пыли, я, повернув браслет, сделался невидимым. Я подходил к дежурной смене жандармов и усыплял их одного за другим. Оставил только начальника, с которым мы «договорились» о пропуске нашей колонны. Всех спящих я занес в палатку, и стал обладателем трех мотоциклов с пулеметами МГ-34. Собрав оружие спящих немцев в коляску мотоцикла, я срезал у них пуговицы со штанов и забрал ремни и подтяжки. Это теперь не бойцы, со спущенными штанами много не набегает. К вечеру показались еще три мотоцикла, это приехала смена. Пока они здоровались с начальником, я тихо им внушал, что они хотят спать: «Идите спать в палатку!». Вскоре этот караул пополнил армию бесштаннх спящих жандармов. Значит, остался у меня еще один караул, который сменит их ночью. Надо убирать их раньше.

Я оседлал мотоцикл с оружием, сделался вновь видимым и поехал к своим бойцам на холм. Там разгрузились, и, посадив пограничника за пулемет в коляску, поехали к бывшему сельсовету, над которым теперь развевался немецкий флаг. Возле него стояли еще три мотоцикла и часовой у крыльца. Из распахнутого окна звучали немецкие песни, пьяные выкрики. Я достал из кармана френча какие-то бумаги и направился к часовому с видом, что хочу ему или показать, или спросить. Подойдя, я ребром ладони разбил ему кадык, заглушая любой его выкрик, и, оглянувшись, нет ли проходящих машин, бросил в окно две гранаты. Внутри на миг все стихло, затем крик «Граната!», и грохот двух взрывов. Зайдя внутрь, я увидел только тела фрицев. Затащили с улицы часового, которого, как всегда, уже дорезал пограничник, ну не мог он пройти мимо живого фрица. Кредо у него, что хороший фриц, это мертвый фриц. Как хоть таскал тогда он их в разведке с такой философией? Просто я не знал, что вся семья у него погибла на заставе под бомбежкой в первые дни войны, вот и мстил он за них. За своих родителей, за жену и сынишку он готов зубами рвать горло фашистам. Но даже убивая их, его не отпускала щемящая боль, лишь на миг становилось легче, а потом снова жажда мести толкала его в бой. Смерть его обходила, как бы давая возможность сполна отомстить за родных и близких ему людей, за друзей, сложивших голову там на заставе, за Родину, что вырастила и воспитала его.

– Послушай, Семен! – обратился я к пограничнику. – Давай-ка ты бери мотоцикл и дуй на остров, возьми сколько можешь взять снайперских винтовок, десятков бойцов, кто хорошо стреляет, и возвращайся сюда. Мы же пока начнем минировать дороги. Ну, давай, побыстрее возвращайся! Скоро здесь будет жарко!

– Жарко, это хорошо! Это я люблю! – злобно оскалив зубы, прошипел Семен и резко передернул затвор немецкого автомата, после чего завел мотоцикл и, лихо развернувшись, он попылил в сторону далекого леса.

Я же направился на холм, где заставил уставших за день бойцов копать окопы в полный профиль, зная, что это спасет не одну жизнь. Тихо матерясь, чтобы я не слышал, они долбили окаменевшую под июльским солнцем землю, вгрызаясь в нее. В полночь пришла колонна с ранеными и с моим подкреплением. Комдив, как и обещал, дал полную роту возглавлял которую старшина, почти все командиры погибли. Разделив роту повзводно, я первый взвод поставил на въезде в деревню, заставив копать траншеи и укреплять позиции. Второй взвод отправил на холм, чувствуя, что это будет основной пункт обороны. Третий взвод стал окапываться за мостом.

Вместе с ротой прибыли четыре полковых пушки с запасом снарядов и двое телефонов, которые уже тянули с холма провода к первому взводу и на мост. Это было уже веселее. Пушки закатали внутрь церкви, и я заставил расчеты пробивать сквозь стены бойницы. Для двух пушек в сторону поселка и дороги из леса, а для двух других в сторону моста. Из подвала церкви выкинули под обрыв трупы немцев и ненужный хлам. Одним словом, очищенный подвал стал неплохим будущим медсанбатом, да и полуподвальные окна с решетками были неплохими огневыми точками для пулеметов. Заставил пулеметчиков расчистить перед окнами сектора обстрела, срезать часть грунта и устроить изнутри перед окном приступок, чтобы удобнее было стрелять. В общем, все хорошо работали, понимая, что бои будут тяжелые.

Часа через два, когда на востоке небо стало светлеть, вернулись машины, отвозившие раненых за мост, в лес. Капитан, что их сопровождал, остановив колонну, спросил: «Как дела?». Я махнул рукой, что все нормально, и посоветовал ему как можно быстрее сделать еще одну ходку.

– Прикрепите на моторы машин немецкие флаги, как бы накройте ими, впереди пустите немецкий мотоцикл с переодетыми немцами бойцами, и не спеша езжайте сюда. Один раз проскочит у вас. Километров за двадцать до вашего поворота с вырубki заминируйте дорогу на протяжении 100 м и посадите десяток снайперов отстреливать саперов, которые будут пытаться снять мины. День продержитесь, и то хорошо. За ночь сделайте такую же засаду, чуть ближе, и вновь отстреливайте саперов.

– А что, неплохо придумал, лейтенант! – хлопнув меня по плечу, рассмеялся капитан, и колонна тронулась.

Я же, найдя переданного мне сапера, отправил его и пять бойцов на двух мотоциклах минировать дорогу за мостом, там же они не должны давать немцам разминировать дорогу. Отдал им свою снайперку, да и у них было свое оружие, плюс два пулемета на мотоцикле.

Вскоре меня нашел старшина и принес котелок с кашей и тушенкой. Поев, почувствовал, что устал и хочется спать, но еще не вся сделана работа. Спросил старшину, есть ли еще бойцы, кто разбирается в минах, так как надо заминировать железную дорогу с двух сторон.

– Ну, а как же! Есть ребята толковые, человека три найду!

– Надо на двух мотоциклах отправить две группы, чтобы на расстоянии двадцати километров взорвали эшелоны, это остановит проезд по железнодорожному пути почти на сутки. Пусть установят по несколько мин, чтобы, как только пустят вновь эшелоны, снова взрывает.

– Понял, товарищ лейтенант! Сделаем! – и он ушел.

Я же, прислонившись к кирпичной стене разрушенной церкви, крепко заснул. Спал я недолго, так как солнце еще не взошло, но было уже светло. Меня разбудил Семен, пограничник, с ним были мои ребята с острова. Гимнастерки мокрые от пота, как-никак сделали маршбросок по лесу, километров двадцать пять, не меньше. Привезли с собой кроме винтовок с оптикой, патроны, гранаты и три ручных пулемета.

– Бери, Семен, под командование своих ребят и стройте позиции. Ваша задача – не пропустить немцев на мост! Понятно?

– Есть, товарищ лейтенант! – отдал он честь и повернулся к бойцам. – Пошли, ребята, зарываться в землю!

Вдали, со стороны леса, показалось пыльное облако, я поднес к глазам бинокль. Разобрать было невозможно из-за пыли, кто едет и сколько. Минут через десять стала различима немецкая колонна. Впереди шел немецкий легкий танк Т-2, за ним несколько крытых грузовиков, в середине колонны легковой автомобиль, за ним несколько автоцистерн, и замыкал колонну снова Т-2.

Пропускать в поселок машины не хотелось, так как подбитые, они перекроют дорогу нашим грузовикам, поэтому решил встретить их за околлицей. Приказал расчетам «Эрликонов» на холме взять на прицел колонну. Прошел в церковь, где пушкари уже вкатили в амбразуры

пушки, и уже брали на прицел колонну. Снайперам приказал не упустить ни одного немца. Вот, колонна, пыля, приблизилась на расстояние, намеченное мною, и я поднес свисток к губам. Вся округа содрогнулась от залпа. Огненные нити от двух «Эрликонов» потянулись к танкам, броня которых не устояла, и они один за другим вспыхнули. Взрывы от двух полковых пушек разметали два грузовика. Вспыхнули бензовозы, лишь легковой автомобиль юркнули с дороги, прикрываясь дымом от горевших машин, и полетел обратно к лесу. Но залп из снайперских винтовок остановил его. Распахнулась задняя дверь, и оттуда вылез толстый немец с портфелем, не успел он сделать и двух шагов, как пуля снайпера сразила его. Тут я даже не сомневался, чья рука сразила его, так как мстительное выражение лица Семена говорило само за себя. Пулеметчики били по кузовам уцелевших грузовиков, добывая оставшихся немцев. Вскоре все кончилось, лишь дымились разбитые машины и танки. Приказав отставить огонь, чтобы поберечь боеприпасы, отправил старшину собирать трофеи. Их скоро надо будет много, так как боеприпасы при таком темпе расходуются быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.